

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/gumilev/aihenv_gumilev.html.

Последний из конквистадоров, поэт-ратник, поэт-латник, с душой викинга, снедаемый тоской по чужбине, "чужих небес любовник беспокойный", Гумилев - искатель и обретатель экзотики. Он очень своеобразен, необычен, богат неожиданностями; "сады моей души всегда узорны", - говорит он о своей действительно узорной и живописной душе. У него - только дорогое, ценное, редкое: стихи-драгоценности, стихи-жемчуга. Переводчик Теофиля Готье, изысканный и искусный, он следует завету своего французского собрата - "чеканить, гнуть, бороться", и при этом, тоже как Готье, не устаивает бороться с противником легким, "не мнет покорной и мягкой глины ком", а одерживает блестящие победы исключительно лишь над благородными металлами и над мрамором Пароса или Каррары. Он в самом деле - акмеист; ему желанны и доступны одни только вершины. Именно впечатление вершинности и предельности производят его недрогнувшие строки. Мужественной и великолепной поступью движется его стих, то лапидарный, то грациозный, иногда преднамеренно тяжелый (как в "Шатре"), иногда несущий на своих волнах утонченную образность:

Ветер милый и вольный,
Прилетевший с луны,
Хлещет дерзко и больно
По щекам тишины.
И, вступая на кручи,
Молодая заря
Кормит жадные тучи
Ячменем янтаря.

Или:

Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.
Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам-секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Презирая дешевое, блистательный владелец сокровищ, он обладает, но не чванится высокой техникой, и слова его разнообразных ритмов четко подобраны одно к другому, как перлы для ожерелья. Взыскательный мастер своего искусства, он, однако, мастерству и форме не придает самодовлеющего значения и не хочет насиловать поэзии; он "помнит древнюю молитву мастеров":

Храни нас, Господи, от тех учеников,
Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал все новых откровений.

Живые откровения, как это и естественно, даются ему сами, без преднамеренных поисков. Он знает, что

... Как пчелы в улье опустелом
Дурно пахнут мертвые слова.

Мертвенности и нет у него. Даже старые слова звучат в его стихах как "девственные наименования". На ранних стихах его легко заметить влияние Брюсова, но свойственные последнему провалы в безвкусию уверенно обошел талантливый и тактичный ученик. И лишь в виде исключения можно уловить на его зрелых страницах следы искусственности, неоправданность рифмы и ее насилие